

# МОНАХОВ.

М. Известия. 3/vi 1925 г.

Бывает, что некоторые неясности в театральном искусстве постигаются легко и просто на подходящем примере. Таким хорошим примером являются гастрольи Монахова и Ленинградского Большого драматического театра. Монахов, «тот самый из оперетты» — несложное определение, усвоенное рядовым зрителем. «Тот самый», который несколько лет назад замечательно играл опереточных простаков и комиков. И теперь «тот самый» не менее замечательно играет Яго, Шейлока и Филиппа Второго в «Дон-Карлосе» и Патюреля в комедии «Грелка». Можно объяснить это редкое явление. Секрет непосредственности игры, так называемого вдохновения в творчестве, воспламененности актера-самородка — почти утрачен. Он сохранен немногими нашими современниками, при чем эту плеяду начиняет Шалалин, и через несколько погасших имен линия идет к Монахову. Актеры этого плана располагают всеми нужными природными данными для того, чтобы дать навсегда запоминающийся, реальнейший тип на сцене.

Монахов — представитель здоровой, чистой и крепкой линии актерского творчества. Он разрешает свои задачи не мудрствованием. У Монахова образ не «разъятый труп», а пример замечательной актерской интуиции, проникновения в исторический образ посредством гениального актерского чутья. Его Филипп Второй в Эскуриале — ржавый, отсыревший, подагрически злобный старик, а не ходульно бронированный манекен. Как Шалалин постигает Олоферна шалалинским чутьем, так Монахов постигает Шейлока, Яго и мещанина, «тип буржуа» Патюреля в «Грелке». И так же он постигает хитрого мужичка, хлыста Распутина, тип, который будет привлекать не одного историка последнего периода русского царизма. Удельный вес такого актера ясен.

Так Шалалин после Годунова поет на концертной эстраде «Титулярного советника». И Шалалин, и Монахов — актер плюс мастер.

Л. НИКУЛИН.